

Упущенный шанс для «революции ценностей»

Инерционные механизмы постсоветского капитализма сыграли решающую роль в блокировании политики изменений и реформ | **АНДРЕЙ РЯБОВ**

Нередко приходится слышать, что кризисы открывают новые возможности для социально-экономического и политического развития, помогая нации освободиться от устаревших общественных форм и расчищая дорогу в будущее. Однако это утверждение требует уточнений всякий раз, когда речь заходит о конкретных исторических обстоятельствах в истории той или иной страны. Какие же возможности появились у России образца осени 2008 года, от каких форм представился шанс отказаться и как распорядились им правящие элиты и другие общественные слои — эти вопросы и хотел бы проанализировать автор, оборачиваясь назад с временной дистанции длиной в один год.

Кризис и возможности рационализации политического курса

Осенью 2008 года, когда уже были очевидны масштабы глобального кризиса, основные надежды в России на уровне экспертного сообщества, политиков умеренного и пролиберального толка связывались с тем, что он поможет ослабить зависимость экономики от топливно-сырьевого экспорта, излишнего административного контроля, создаст условия для развития конкуренции и большей

открытости в хозяйственной жизни. Уровень политических ожиданий был гораздо ниже. Все понимали, что в стране нет значимых общественных сил, обладающих альтернативным проектом политического курса и способных вступить в борьбу за власть с правящей элитой. Более того, среди части политического класса были даже распространены опасения, что ввиду слабости оппозиции резкое ослабление нынешней власти может свергнуть страну в пучину дестабилизации с трудно просчитываемыми последствиями.

И тем не менее в политико-идеологическом дискурсе присутствовали надежды на некую ограниченную политическую либерализацию. Если суммировать эти ожидания, то можно без труда заметить, что в конечном итоге они сводились к идее некоей *рационализации* существующей общественной системы с тем, чтобы придать ей большую гибкость и адаптивность и освободить от излишней централизации перед лицом новых вызовов. При этом рационализация представлялась не как реформистский политический проект, а, скорее, как комплекс мер технического или технократического характера. Однако в подобных рассуждениях упускалось из виду, что для постановки рациональных целей и перехода к целера-

циональному поведению (в рамках веберовской логики), с помощью которого эти цели только и могут быть достигнуты, требовался и соответствующий уровень рационализации политического сознания как элит, так и общества.

Между тем Россия, вступив в конце 1980-х—начале 1990-х годов на путь рыночной трансформации, так и не осуществила до конца «революцию ценностей». В настоящее время специалисты по социальным наукам склоняются к тому, что скорее тот период представлял собой «потребительскую революцию», в ходе которой население отказало в доверии коммунистической системе, поскольку она была не способна обеспечить реализацию социально-экономических притязаний граждан, которые казались им разумными и справедливыми¹. В те годы под влиянием политики информационной открытости в общественном мнении быстро утвердилось инструментальное отношение к демократии — как к некоему набору процедур и правил, следование которым поможет быстро решить проблему подъема благосостояния населения². Когда же страна столкнулась с неизбежными трудностями перехода к рынку и большая часть населения не смогла удовлетворить собственные, относительно высокие потребительские запросы, привлекательность демократических ориентиров, не имевших под собой прочной ценностной укорененности, стала постепенно угасать. В начале 2000-х демократия в массовом сознании уже не воспринималась в процедурном аспекте, а тесно связывалась с ростом благосостояния и в целом с реализацией идеи «общего блага», имеющей важное значение для русской традиционалистской политической культуры³.

Утверждение этой идеологии открывало совершенно иные возможности для обоснования личности российского эконо-

мического и политического порядка. После «лихих» 90-х, которые в общественном сознании ассоциировались с «хищниками-олигархами» и с преобладанием эгоистических частных интересов над государственными и общественными, из необходимости достижения «общего блага» легко выводилась идея «суверенной демократии», призванной защитить Россию от посягательств многочисленных иноземных недругов, которые угрожали расчленить ее территорию и разграбить природные богатства. Столь же легко обосновывалась и необходимость возвращения государства в экономику, и не в виде строгого арбитра, который следит, чтобы хозяйствующие акторы соблюдали правила игры, установленные законом, а в виде главного игрока, держателя ключевых ресурсов и активов, неустанно пекущегося об «общественном благе». Таким образом, начиная примерно с середины 1990-х зачатки рационалистических представлений о том, как должны быть устроены современные общественные порядки, шаг за шагом вытеснялись из российского сознания и снова заменялись традиционалистскими. Это открывало дорогу для появления новых мифологем, которые, возникнув в сознании элит, с готовностью воспринимались общественным мнением. Так, в период стремительного подъема мировых цен на энергоносители родилась вера в то, что Россия с ее нынешней экономикой может стать великой энергетической державой, а то и вовсе одним из мировых лидеров XXI века.

Глобальный кризис, не миновавший и Россию, казалось, создавал основу для завершения начатой в конце 1980-х годов и затем прерванной «революции ценностей». Тем более что в условиях кризисного дефицита ресурсов неэффективность общественной системы России, основанной на монополизме и повсеместном доминировании государства в политике, экономике и социальной

жизни, стала очевидной. То, что казалось успешным и даже безальтернативным в «тучные годы» нефтегазового бума: централизованная система управления страной, принятие нужных законов в кратчайшие сроки и без реального оппонирования, ставка в экономике на супермонополии с преимущественным государственным участием, — с наступлением кризиса быстро поблекло, показав неспособность адекватно реагировать на возникшие проблемы. В серьезной прессе появилось немало статей, авторы

которыми позволит провести модернизацию России.

Однако ничего подобного не произошло. Одна из главных неожиданностей кризисного года в России — то, что он так и не пробудил ни у элит, ни у рядовых граждан стремления к переменам. Поначалу преобладало представление о кризисе как о «заморской болезни», чуть ли не со злым умыслом занесенной в здоровый организм российской экономики. Затем и в верхах, и в массовых общественных слоях сформировалось мне-

“Одна из главных неожиданностей кризисного года в России — то, что он так и не пробудил ни у элит, ни у рядовых граждан стремления к переменам”.

которых убедительно доказывали, что благополучие последних лет было обусловлено не какими-то выдающимися успехами предпринимательства, науки или технологий, не стратегией успеха, предложенной правительством, а стало следствием совпадения нескольких благоприятных факторов, прежде всего, увеличения спроса на энергоносители и притока заемных средств, привлеченных из-за рубежа в российскую экономику. При этом многие наблюдатели тогда полагали, что по мере сокращения золотовалютных резервов страны и государственных расходов, уменьшения доходов граждан и роста безработицы как наверху, так и в массовых слоях населения будет крепнуть понимание, что обществу необходим переход к рационалистическим формам политической организации. Последние включают в себя конкуренцию, функционирующие обратные связи между властью и обществом; политику, основанную на учете интересов всех групп, представленных в обществе и одновременно исходящую из признания ограниченности ресурсов; сближение с теми странами на международной арене, сотрудничество с

ние, что пришедшая в страну экономическая напасть — временное явление, которое радикально ничего не изменит. Надо только набраться терпения и переждать бурю. Благо для этого есть все возможности, поскольку в предыдущие годы правительство накопило огромные финансовые резервы. А затем все вернется на круги своя, и Россия снова займется ставшим привычным в последние годы занятием — стрижкой «нефтегазовых» купонов. Поэтому как только во второй половине 2009 года в мировой экономике появились слабые признаки постепенного выздоровления, докризисный оптимизм вернулся в российское массовое сознание. По данным ВЦИОМ, в октябре 2009-го россияне полагали, что их страна войдет в тройку лидеров государств, вышедших из кризиса с наименьшими потерями или даже победителями⁴. Так думали 12 проц. опрошенных, 14 проц. и 16 проц. место главного победителя отводили, соответственно, Китаю и США. В ноябре в СМИ появились данные Центра социальных исследований «Росгосстраха», свидетельствующие, что в будущем году россияне ожидают реального роста доходов на

16 проц., а в ближайшие 5–7 лет на 54 процента⁵. Причем подобный оптимизм наблюдался на фоне заявлений авторитетных экономистов и международных финансовых институтов, которые указывали, что выход России на докризисные позиции будет долгим и трудным.

Вера в то, что социально-экономическое положение России вскоре должно вернуться к докризисному состоянию (не может не вернуться!), настолько прочно овладела умами представителей правящих слоев, что и в эпоху кризиса российские лидеры и высокопоставленные правительственные чиновники продолжали повторять мифологемы, рожденные во времена нефтегазовой эйфории — о создании в Москве мирового финансового центра, о превращении рубля в мировую резервную валюту и т. п. В конечном итоге даже модернизация страны, которую руководство России объявило важнейшей политической задачей, была интерпретирована в рамках прежних представлений, хотя, казалось бы, по самой своей сути модернизация должна была означать разрыв с традицией мифологизированного, традиционного сознания. Однако модернизацию было предложено понимать, прежде всего, как совокупность мер технического и технологического характера, не сопровождаемую серьезными изменениями в социальной, экономической и политической системах. Ситуация выглядит таким образом, что властная элита не хочет и не может отказываться от неэффективной и нерациональной российской модели развития, а стремится подвести под нее новый технико-технологический базис. Замысел состоит в том, что наличие такого базиса позволит стране остаться конкурентоспособной в глобальной экономике и сохранить территориальную целостность, а правящей элите — удержать власть. Нет необходимости говорить о том, что подобные модернизационные планы в XXI веке

выглядят утопией. То, что они тем не менее овладели умами высшей прослойки правящего класса, можно расценивать как один из итогов кризиса: рационализация сознания не состоялась. Узкие групповые интересы возобладали над попытками более широкого взгляда на перспективы страны.

Кризис и внешняя политика

Экономический кризис создавал предпосылки и для рационализации внешнеполитических представлений российской элиты. Благоприятная экономическая конъюнктура последних лет убедила правящий слой в принципиальной возможности для России стать устойчивым самостоятельным полюсом силы в формирующемся, по мнению отечественной элиты, многополярном мире. Кризис со всей остротой обозначил проблему разрыва между столь масштабной задачей и дефицитом ресурсов для ее реализации. Этот разрыв осложнялся нереструктурированностью российской экономики, ее неспособностью быстро адаптироваться к меняющимся мировым реалиям. Критическая оценка потенциала страны, ее перспектив в среднесрочном плане могла бы стать отправным пунктом для разработки новой внешнеполитической стратегии, основанной на рациональном анализе положения дел в современном мире. Однако этого не случилось. Значительные ресурсы были потрачены на расширение присутствия России в тех регионах мира, в частности, в Латинской Америке, где у нее по большому счету нет значительных и долгосрочных экономических интересов. На постсоветском пространстве Москва действует жестко и прямолинейно, по-прежнему рассматривая расположенные здесь страны не в качестве полноценных национальных государств со сложившимися интересами, а как зависимых от России младших партнеров. В результате не удалось добиться серьезного продвижения

ни по одному из интеграционных проектов. Более того, при каждом удобном случае постсоветские государства стремились дистанцироваться от России, демонстрируя намерение проводить либо прозападную, либо многовекторную политику. Реализация нового проекта создания Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ оказалась далекой от изначального замысла, поскольку страны – партнеры России оговорили свое участие в нем целым рядом условий.

По-видимому, лишь в российско-американских отношениях возникли возможности для реализации более рациональных подходов. Это было связано с новой политикой в отношении России, которую начал проводить президент Обама: его администрация дала отчетливые сигналы российской стороне, что готова не только слушать партнера, но и учитывать его интересы в своих действиях. В российских правящих кругах это породило некоторые надежды на то, что удастся выстроить отношения между двумя странами на иной, более прочной и долгосрочной основе и продвинуться в разрешении многочисленных спорных вопросов. Однако значение этих сдвигов все же не стоит преувеличивать. Одновременно с надеждами в руководящем слое России существуют и серьезные опасения, что в случае успеха администрации Обамы властной элите в Москве придется отказаться от многих традиционных подходов во внешней и внутренней политике, которые до сих пор надежно обеспечивали ее доминирование во внутриполитическом процессе, а также контроль над властью и собственностью. Особенно неприятной перспективой в случае успеха новой администрации США представляется необходимость признать, что претензии Москвы на роль некой альтернативы имеющимся в современном мире моделям развития, а также другим центрам силы не имеют под собой оснований. В этом смысле

остается открытым вопрос о том, будет ли использовано окно возможностей, связанное с новой администрацией США, для рационализации внешнеполитического сознания российских элит.

По-видимому, исследователям еще предстоит объяснить, почему глобальный кризис, начавшийся в 2008 году, не дал в России толчок для рационализации политического курса. В настоящее время можно лишь констатировать, что шанс для осуществления «революции ценностей», вставшей на повестку дня в конце 80-х—начале 90-х годов прошлого века, но так и не состоявшейся, был упущен. Возможно, для этого нынешний кризис оказался недостаточно глубоким — не только в российской, но и в мировой экономике. Он не привел к структурным сдвигам, к переоценке традиционных представлений, неизбежно влекущим за собой изменение социальных реалий. Общественно-экономическая и политическая система современной России в целом сохранили свой прежний вид. По всей видимости, те механизмы и институты, которые имеют ключевое значение для обеспечения выживаемости системы, не были затронуты кризисом.

Инерционные механизмы постсоветского капитализма

О каких механизмах и институтах идет речь? Широко распространено мнение, что это, прежде всего, система авторитарной власти и ее экономическая основа в форме крупных государственных или полугосударственных компаний. В таком случае рационализацию следовало бы понимать в контексте хрестоматийных теорий политической модернизации: как переход от авторитаризма традиционалистского типа к политической системе, основанной на конкуренции, публичном контроле и ответственности. По моему мнению, проблема здесь шире. Речь должна идти о преодолении инерционных механиз-

мов постсоветского капитализма (название конечно же условное), сложившихся не только в России, но на всем пространстве бывшего СССР за последние 20 лет в ходе посткоммунистической трансформации. Сдерживающий потенциал этих механизмов, по-видимому, недоучитывался накануне кризиса. Именно они и сыграли решающую роль в блокировании политики изменений и реформ.

Для удобства анализа можно выделить три базовых, системообразующих основания постсоветского капитализма.

В открытой демократической системе все происходит наоборот: сначала появляется актор с соответствующим предложением, а затем, если проект вызывает общественный интерес, под него собираются ресурсы. В силу этих причин на протяжении минувшего года властная элита не опасалась появления альтернативных политических проектов, чьи инициаторы могли бы попытаться на волне кризиса заручиться поддержкой значимых социальных слоев.

Второе основание, на котором покоится система постсоветского капитализма, — это

“Концентрация власти и собственности при низкой активности населения позволяет создать высокие барьеры для входа на политический рынок новых акторов”.

Первое и, пожалуй, ключевое — это *слияние власти и собственности*, их сосредоточение в руках одних и тех же групп новой элиты. В обстановке кризиса, при институциональной слабости гражданского общества, раздробленной и разобщенной оппозиции, отрезанной от ресурсов и потому зависимой от «правительства», сосредоточение власти и собственности в одних руках помогло правящей элите своевременно концентрировать необходимые средства на тех направлениях, которые имеют первостепенное значение для сохранения стабильности. Тем самым удалось не допустить, чтобы социальная напряженность в обществе достигла опасного для власти уровня.

Концентрация власти и собственности при низкой активности населения позволяет властной верхушке создать высокие барьеры для входа на политический рынок новых акторов. Тот, кто хочет сыграть эту роль, должен, прежде всего, искать ресурсы. Но они есть только у государства либо могут быть предоставлены частными держателями с санкции органов государственной власти.

слабая институционализация политической среды. Задолго до президентских выборов 2008 года, которые ознаменовали собой появление в России новой властной конструкции, получившей название тандемократии, стало очевидно, что в стране нет сильных и устойчивых политических институтов. Опыт предшествующего развития посткоммунистической России свидетельствовал, что можно без труда не только менять принципы формирования обеих палат федерального парламента, но и их роль в политической системе страны. Также без особого труда удалось превратить глав субъектов Федерации из политиков, добивающихся своего статуса исключительно через институт выборов, в высокопоставленных чиновников, полностью встроенных в вертикаль федеральной власти. Партии, казалось бы обладавшие стабильным электоратом, бесследно исчезали с политической сцены. В этой бульнообразной среде стабильным и устойчивым выделся лишь один институт, вокруг которого и отстраивалась вся политическая система, — институт президента. Однако с установлени-

ем режима тандемократии это представление оказалось под вопросом.

Тандемократия, как и предшествовавший ей суперпрезидентализм, является разновидностью персоналистского политического режима, в рамках которого распределение властных полномочий между президентом и премьером осуществляется не на базе Конституции (притом что формально буква Основного закона полностью сохранена), а на основании неких неформальных договоренностей между «дуумвирами». Можно

рыми он наделен по Конституции, позволят главе государства преодолеть сопротивление сил, заинтересованных в сохранении *status quo*, и начать политику, пусть и ограниченных, но все же реформ. Тем более что сам президент неоднократно делал заявления, воспринимавшиеся в политических кругах как намерение изменить сложившийся в России социально-экономический и политический порядок. Однако в системе, где отсутствуют независимые от правительства политические акторы, подобные ожидания

“Когда острая фаза кризиса миновала, российские верхи пришли к выводу, что даже дозированное смягчение системы может ее **разбалансировать”.**

с уверенностью сказать, что характер распределения полномочий был бы иным, если бы Путин решил разделить власть с другим преемником. Хотя содержание этих договоренностей по понятным причинам является тайной, известной, по-видимому, лишь участникам соглашения, постепенно стало очевидным, что президент так и не получил всей полноты власти, а реальные полномочия «перетекли» от президентской должности к премьерской. Таким образом, подтвердилась базовая черта персоналистского режима: статус властного института, а тем более его название не имеют серьезного значения. Власть имеет личностное измерение и формально оказывается в том институте, в котором обосновался ее персональный носитель.

Почему рассуждения о персоналистском режиме, формально обладающем двумя центрами принятия решений, важны для рассматриваемой темы? Дело в том, что многие группы интересов, поддерживающие идею реформ, в течение долгого времени переоценивали значение конституционных основ российской политической системы. Они полагали, что полномочия президента, кото-

оказались бесосновательными. Никакого формирования «коалиции реформ» не произошло ни вокруг президента, ни где бы то ни было еще. В этой ситуации правительство могло без особых помех проводить антикризисную политику, рассчитанную на неизбежность ранее сформировавшихся общественных порядков и интересов.

Третье основание системы постсоветского капитализма заключается в том, что *властные отношения базируются не на правовых нормах и институциях, а на личной зависимости и клиентелизме*. В этих условиях государство и его институты утрачивают публичное и правовое содержание⁶, а власть, как в традиционном обществе, приобретает патримониальный характер⁷. При такой структуре властных отношений устойчивость групп интересов определяется в первую очередь наличием доступа ее лидеров к бюрократическим ресурсам и механизмам перераспределения. Как только лидеры группы утрачивают этот ресурс, она либо рассыпается, либо поглощается более мощными образованиями⁸. В кризисный год в составе властной элиты не произошло сколь-нибудь существенных

кадровых подвижек. Все ключевые фигуры из прежней путинской команды сохранили свои позиции в высших структурах российской власти. Для появления новых акторов не было не то что пространства, но даже зазора. Разумеется, в подобной ситуации кадровой стабильности не могли вырваться условия для раскола внутри элиты, который, как демонстрирует опыт истории посткоммунистической России, становился толчком для последующих серьезных политических изменений.

Почувствовав, что нынешняя общественная система прошла низшую точку кризиса, а ее основания оказались куда устойчивее к внешним воздействиям, чем считалось ранее, властные элиты осенью 2009 года, вероятно, решили сменить и тактику поведения. Год назад, в ситуации нарастающих кризисных явлений в экономике и социальной сфере, правящая группа декларировала намерение придать политической системе большую гибкость и эластичность. С этой целью президент Медведев, выступая в начале ноября 2008 года с ежегодным посланием Федеральному собранию, объявил о целесообразности проведения ограниченной политической реформы, которая, помимо прочего, предполагала некоторую либерализацию выборного законодательства и обеспечение представительства малых партий в Государственной думе. Однако, когда острая фаза кризиса миновала, российские верхи пришли к выводу, что даже дозированное смягчение системы может ее разбалансировать. В результате местные выборы, состоявшиеся 11 октября 2009 года, продемонстрировали, что идея расширения представительства мелких и оппозиционных партий больше не актуальна. Напротив, был взят курс на дальнейшее укрепление позиций доминантной партии, которая увеличила количество мандатов в legislatures разных

уровней по сравнению с прошлыми выборами. Это означает, что правящая элита возвратилась к политике дальнейшего ослабления и маргинализации негосударственных политических акторов, по всей видимости рассчитывая таким образом минимизировать риск потери власти. Иными словами, вместо того, чтобы создавать более сложную и рациональную общественную систему, сделан выбор в пользу традиционных методов усиления административного контроля, рассматриваемого в качестве гарантии сохранения общественной стабильности.

Что касается общества, то его адаптивный ресурс по-прежнему оставляет властной элите широчайшую степень автономии. При такой готовности приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам трудно ожидать появления запроса на более рациональную организацию общества. Подобное может произойти разве что в условиях существенной деформации или разрушения базовых структур повседневности.

В то же время кризис показал, что рационализация общественной системы не может быть сведена к восстановлению публично-правовой основы государства, конкурентной среды в политике и экономике, а также парламента как института согласования интересов. Без преодоления политэкономических основ постсоветского капитализма перечисленные меры сами по себе способны возродить лишь верхушечный плюрализм («конкурирующие олигархи», по Роберту Далю) наподобие того, что уже существовал в России в 1990-е годы. Но, как демонстрирует опыт других постсоветских государств (например, Украины), такой плюрализм на практике не позволяет осуществить подлинный прорыв к демократии, поскольку сохраняет и неэффективность экономической системы, и отчуждение широких общественных слоев от участия в политике. ■

ПРИМЕЧАНИЯ¹ См., например, стенограмму выступления Александра Аузана на конференции «20 лет без Берлинской стены — прорыв к свободе» (http://www.carnegie.ru/mp3/20years_berlinwall/speech_auzan.pdf).

² *Petukhov V., Ryabov A. Public Attitudes About Democracy // Between Dictatorship and Democracy: Russian Post-Communist Political Reform / M. McFaul, N. Petrov, A. Ryabov (eds). Wash., D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2004. P. 269.*

³ *Рогов К. Неприемлемый преемник // Pro et Contra. 2007. № 4–5 (38). Июль–октябрь. С. 10.*

⁴ *Мир после кризиса: каким он будет? ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1340. 2009. 15 окт.*

⁵ <http://www.lenta.ru/news2/2009/11//02/ggs>

⁶ *Афанасьев М. Невыносимая слабость государства. М., 2006. С. 111.*

⁷ *Паин Э. Выйти из плена Матрицы: Есть ли в России будущее у либеральной модели модернизации? // Независимая газета. 2009. 26 авг.*

⁸ *Нисневич Ю.А. Россия — это мы: Взгляд на перспективы социально-экономического и политического развития страны в XXI веке. М., 2005. С. 26.*